

Священник Михаил Легоев

«ИСТОРИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ОБ ОТЦАХ ЦЕРКВИ» АРХИЕПИСКОПА ФИЛАРЕТА (ГУМИЛЕВСКОГО) И НАЧАЛО РУССКОЙ ПАТРОЛОГИИ

Личность и труды архиепископа Филарета (Гумилевского) имеют большое значение для истории академической богословской науки. Главный из его трудов — «Историческое учение об отцах Церкви» — положил начало патрологии как науке в Православной Церкви. Со времени его написания отечественная и мировая патрологическая наука ушла далеко вперёд, однако те принципы, которые были заложены отцом русской патрологии в понимании её предметной области и методологии, представляют сегодня важный интерес для анализа её развития. Его акцентуация ипостасного характера патрологической науки, представление о святоотеческой письменности как о непрерывном процессе, не ограниченном каким-либо историческим периодом, стали базовыми принципами православной патрологической мысли. Статья представляет данный труд архиепископа Филарета современной аудитории, в целом характеризуя особенности его научного подхода, стиля, языка и проч.

Ключевые слова: святитель Филарет (Гумилевский), русская патрология, отцы Церкви, духовные школы, Духовная академия, святоотеческая письменность.

1. Введение

XIX век стал для русской, а вместе с ней и для вселенской богословской науки новой вехой. В это время, точнее к середине данного столетия, в Русской Православной Церкви начинается активное формирование круга богословских наук, в своих общих чертах представляющих почти современный нам вид. Начинается процесс формирования собственно русской богословской школы. Одним из неотъемлемых направлений богословской науки с первых шагов этого процесса становится патрология, первоначально перенимая и само наименование науки и дисциплины, и внутренний вид, и содержание из западных образцов. По своему значению в рамках образовательного и научно-богословского процесса в духовных школах патрология сразу же занимает одну из лидирующих позиций.

Процесс формирования новых для русской школы наук, в том числе патрологии, начался и шёл одновременно в четырёх крупнейших богословских школах — Духовных академиях — Санкт-Петербургской, Московской, Киевской и Казанской. И хотя, как мы увидим, лидирующая роль (в отношении патрологии) на первом этапе этого формирования принадлежала московской школе, однако вскоре, уже к началу XX века, она перейдёт в другой, не менее значимый духовно-просветительский центр — Санкт-Петербург¹. Вообще же влияние в то время различных академий именно как школ было не столь значительно — намного более значим был общий для них процесс; и издания одних академий с успехом и в краткие сроки становились, так сказать, общим достоянием — имели общее и зачастую весьма широкое хождение, будь то учебные пособия, актуальные переводы или научные исследования. Но, тем

Священник Михаил Викторович Легоев — кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской духовной академии (m-legeev@yandex.ru).

¹ Что будет связано с такими именами, как Н. И. Сагарда и А. И. Сагарда.

не менее, именно московской школе принадлежит честь заложенного основания патрологической науки в России.

Так, начало преподаванию патрологии в богословских школах Русской Православной Церкви, а вместе с тем и начало русской патрологической науке, было положено архиепископом Филаретом (Гумилевским)². Будучи одним из самых образованных, энергичных и многосторонних церковных учёных своего времени, святитель Филарет имел, вместе с тем, очевидную склонность к наукам исторического характера, к церковно-исторической тематике³. Сочетание этой склонности, его выдающихся способностей церковного учёного и педагога, и специфики эпохи, когда существовавшая уже на Западе в качестве науки патрология оказалась востребованной в Русской Церкви и формирующейся русской богословской школе, как представляется, и определило быть святителю Филарету основателем русской (а шире и вместе с тем — и вообще православной) патрологии.

В 30-х годах XIX столетия в духовных академиях по поручению Синода начинается массовое формирование конспектов лекций по всем ключевым предметам, в том числе по всем предметам семинарского курса, которые впоследствии лягут в основу учебно-педагогического фонда Русской Православной Церкви. Именно в рамках такой программы святитель Филарет составляет свой конспект лекций по патрологии в бытность свою на посту ректора Московской духовной академии. Этот конспект будет использоваться впоследствии преподавателями духовных школ. Уже в 1840-е годы, покинув Московскую академию и возглавляя Рижскую епархию⁴, святитель Филарет перерабатывает, дополнит его и подготовит к изданию — так в 1859 году выйдет в печать первый русский патрологический труд, ставший учебным пособием для нескольких поколений студентов духовных школ, — *трёхтомник «Историческое учение об отцах Церкви»*.

2. Работа с источниками

В работе над этим трудом святитель Филарет, прекрасно владевший древнегреческим и латинским, а также некоторыми современными западными языками⁵, опирался на следующие источники и исследования:

1. *Древние исторические источники*: «церковные истории» Сократа, Созомена, Евсевия Кесарийского, блж. Иеронима, свт. Фотия Константинопольского и некоторые другие. А также мученические акты, историческую составляющую трудов свв. Иринея Лионского, Ипполита Римского, Епифания Кипрского, Феодорита Кирского, Иоанна Дамаскина и др.
2. *Весь корпус святоотеческой письменности*, которую святитель Филарет читал в оригинале, используя, главным образом, «Патрологию» аббата Миня.
3. *Современные ему иностранные патрологические исследования*, упоминаемые святителем Филаретом как «материалы по патристике»⁶: посвящённые святым отцам I–III веков⁷ и отцам I–VI веков⁸. А также сочинения, посвящённые «истории церковной литературы»⁹. Святитель Филарет даёт краткую характеристику некоторым из этих источников.

² В 2009 году установлено местночтимое почитание архиепископа Филарета (Гумилевского) в Украинской Православной Церкви.

³ Что видно уже из одного списка его трудов. См. приложение ниже.

⁴ С 1841 по 1848 годы.

⁵ Впрочем, большинство иностранных научных трудов того времени, используемых свт. Филаретом, ещё было написано на латыни.

⁶ Святитель Филарет употребляет именно этот термин (патристика) в своём труде. См.: [Филарет, 1859а, XVII и др. далее].

⁷ Люмпера, Мелера, Перманедера, Винтера.

⁸ Тобенза, Валча, Лохерера, Аннегарна, Голдвизера и Фесслера. См.: [Филарет, 1859а, XXVI].

⁹ Дюпеня, Селье, Кава, Удина, Фабрица, Галланда и Болланда (последнее легло в основу жизнеописаний святых святителя Димитрия Ростовского) и др. См.: [Филарет, 1859а, XXVII–XXVIII].

4. Встречаются в книге также многочисленные сноски на других (в абсолютном большинстве иностранных) исследователей — канонистов, историков, текстологов, издателей, критиков и проч., специально не упоминаемых автором в перечне источников и исследований¹⁰.

Как можно судить исходя из замечаний самого святителя Филарета, влияние на него иностранных источников было минимально или, по крайней мере, очень сдержанно. Отношение его к западным исследователям часто критически-несогласное с тем или иным их утверждением, особенно тогда, когда он встречает научные выводы, сделанные в духе характерного для западного подхода в целом¹¹ чрезмерного критицизма и стремления к поиску разногласий, несогласий с духом и буквой церковного Предания и проч. Как правило, святитель Филарет по тому или иному спорному, неоднозначному или пререкаемому вопросу, относящемуся к ведению patroлогии, высказывает своё собственное мнение, кратко сославшись при этом на имеющийся спектр точек зрения среди исследователей. Позиция святителя оказывается прежде всего направлена чувством и духом Предания Церкви, в «пространстве» которого им рассматриваются любые научные аргументы. Такова основа подхода святителя Филарета, как правило, им применяемого — **внимательно относящегося к точке зрения предшествующих ему «патрологов», но, в общем и целом, независимому от них в своём мнении** (см., напр.: [Филарет, 1859а, 42; Филарет, 1859b, 236; Филарет, 1859с, 42, 54 и др.]).

Кроме того, определённая *самостоятельность святителя Филарета как патролога подтверждается другим важным и неоспоримым фактом*, на который указывает, в том числе, и сам святитель: все без исключения предшествующие ему «патристические исследования» не идут, как правило, далее III, максимум VI века¹², тогда как «Историческое учение об отцах Церкви» **впервые в истории мировой патрологической науки доводит рассмотрение святоотеческой письменности до XIII века**¹³. В этом отношении в русской патрологической науке до сих пор (!), то есть до начала XXI века, за одним-единственным исключением¹⁴ никто не дал более хронологически развёрнутый обзор святоотеческой письменности и патрологического материала, по сравнению с первым трудом в этой области святителя Филарета. Следует заметить, впрочем, что III том «Исторического учения об отцах Церкви», посвящённый периоду V–XIII веков, то есть как раз тому, который требовал бы от автора максимальной самостоятельности в силу вышеизложенных причин, представляется

¹⁰ Среди которых упоминаются имена: Котельера, Монфокона, Биккеля, Бевереджия, Баура, Гобара, Тила, Смита, Горнеманна, Фрея, Рюсселя, Гефеле, Кальвина, Лютела, Банажа, Ларрогена, Даллея, ПEARсона, Роте, Якобсона, Шмита, Данца, Февардена, Неандера, Ульмана, Гуса, Винера, Семиша, Ганца, Бергольда, Блекка, Бизелера, Келльна, Гречнейдера, Гюрнке, Ефимовского и др.

¹¹ Из которого могут быть замечательные исключения, что лишь подтверждает общее правило, особенно и прежде всего — для протестантской науки.

¹² «Полной патристики ещё нет ни одной» [Филарет, 1859а, XXVI].

¹³ А имплицитно святитель Филарет идёт и далее, учитывая создание им в последующий после управления Рижской епархией (когда и было написано «Историческое учение об отцах Церкви») период архиерейства на Харьковской кафедре, с 1848 по 1857 годы, нового труда — «Обзора русской духовной литературы за 862–1720 годы». Этот труд будет издан в 1857 году, даже немного ранее выхода в свет «Исторического учения об отцах Церкви»; очевидно, он оценивался автором как своего рода хронологическое продолжение своего патристического исследования. По крайней мере, сам святитель однозначно утверждает необходимость не ограничивать «патристические исследования» каким-либо ограниченным периодом, но охватывать в них весь исторический путь Церкви [Филарет, 1859а, XIV].

¹⁴ Имеется ввиду патрология инока Всеволода (Филиппьева) [Филиппьев, 2007], которая доводит свою хронологию с небольшими купюрами до XX века. Не в счёт идёт патрология прот. Иоанна Мейендорфа [Мейендорф, 1992], которая хотя и захватывает XIV век, однако из-за слишком громадных белых пятен в этой формальной периодизации не может рассматриваться в качестве хронологически более развёрнутой, по сравнению с книгой свт. Филарета.

одновременно и наиболее слабым во всех отношениях, кроме «житийной» составляющей отцов Церкви. Этот факт говорит о трудности принятой к исполнению отцом русской патрологии задачи. Проторение нового пути, тяжёлое само по себе, не могло быть выдержано с тем же качеством, с каким автор шёл по стопам предшествующих ему учёных.

3. Понятие о предмете патрологии у свт. Филарета

Особенное значение имеет для нас понимание святителем Филаретом предмета патристического исследования.

В этом понимании он достаточно радикально расходится как с предшествующими ему западными учёными¹⁵ и даже современными ему представителями Санкт-Петербургской школы, стоящими, как и свт. Филарет, перед проблемой осмысления перспектив русской патрологии¹⁶, так и с последующим развитием патрологической науки, в этом отношении скорее пошедшей по пути, проложенному на Западе, чем по пути, предлагаемому основателем русской патрологии. Так, классическую для того времени в западной патрологической науке (и не потерявшую актуальности до XXI века) схему изучения отцов Церкви «жизнь, труды, учение»¹⁷ святитель Филарет подвергает жёсткой критике, предлагая альтернативный вариант предмета патристических исследований. Его взгляд здесь весьма категоричен: «Поставлять догматическое учение отцов такой же особою частью Патристики, каково исследование сочинений или жизни, значит не понимать самого предмета» [Филарет, 1859а, XX]. По его мысли, отдельное изучение учения отцов означает не что иное, как дублирование описания их творений¹⁸.

Таким образом, согласно автору «Исторического учения об отцах Церкви», предмет патристики состоит из двух, причём неравновеликих, частей:

1. «жизни (святых отцов) и
2. обзора (их) сочинений» [Филарет, 1859а, XXI].

Или, по другому его определению, из «сведений о личности каждого из них (и) о его творениях» [Филарет, 1859а, XXVI], через которые «изображается с возможной точностью дух и направление учителя (то есть отца) Церкви» [Филарет, 1859а, XXVI]. В этой области святитель, очевидно, всё же находит некоторое место учению святых отцов (в рамках именно производимого обзора сочинений), однако, по его мнению, «оно не должно занимать столько же места, сколько жизнь отца Церкви» [Филарет, 1859а, XXI].

Стремление святителя Филарета отчасти понятно — уберечься от сведения всего богатого наследия святых отцов к одному лишь учению или ещё более узкой области — к одной лишь догматической составляющей: «Та патристика, которая обращает исключительное внимание на догматическое учение отцов, теряя из вида и толкования Писания, и наставления в благочестии, извращает собой понятие об отцах Церкви, выставляет их не в их точном виде» [Филарет, 1859а, XX]. Эта черта найдёт своё осмысление в позднейшей патрологической письменности (См.: [Легеев, 2015, 13–18]), особенно в контексте тех персоналистических акцентуаций в богословии, которые в полной мере проявят себя в период XX–XXI веков.

¹⁵ Например, согласно указанию самого святителя Филарета, с Пермандером, Люмпером и Мелером. См.: [Филарет, 1859а, XX].

¹⁶ См. [Филарет, 1859а, XX]. Статья: Взгляд на патристику как на науку. Христианское чтение. 1846. 7, 2.

¹⁷ «1). Жизнь каждого отца, 2). Его сочинения и 3). Его учение догматическое» См.: [Филарет, 1859а, XX].

¹⁸ «После обзора содержания догматических сочинений предлагать отдельно догматическое учение отца значит... повторять одно и то же наперекор правильному рассуждению о деле» См.: [Филарет, 1859а, XX–XXI].

Однако, несмотря на это благое стремление, **понятие о предмете патристического исследования у святителя Филарета следует признать слишком «сырым» и требующим исторической корректировки.** Это понятие о предмете таково, что хотя и отклоняет его труд от чисто и только лишь исторических жизнеописаний святых (с отдельными и подчинёнными этой истории вкраплениями в их «ткань» сведений об учёных трудах святых), однако всё же ещё слишком роднит с последними. В пользу этого родства говорит и следующий факт. Несмотря на то, что **предметом своего рассмотрения святитель Филарет полагает именно (и только) святых отцов, исключая учителей Церкви,** таких как Тертуллиан, Климент Александрийский и Ориген, из общего и хронологически последовательного контекста своего повествования, всё же он посвящает им стоящий особняком раздел. Такой подход свидетельствует о некоторой неустойчивости понятия о предмете патристического исследования: ещё слишком примыкающего к житийному жанру, хотя, с другой стороны, уже смутно осознающего более широкий «контекст» Предания в качестве своего основания.

Дальнейший путь патрологии пойдёт в сторону ухода от такой неопределённости и более чёткой дифференциации и введения в предметную область патрологии богословия святых отцов, а также хода и закономерностей его исторического развития, с правоммерным включением в эту область значимых для исторического развития Церкви персоналий — учителей Церкви. В конечном счёте предмет патрологии в понимании её укоренителя и основателя на православной и русской почве *оказывается ещё весьма далёк от того понимания предметной области этой науки, к которому подойдёт она в XXI веке, в период возрождения русской богословской школы.*

4. Особенности авторского метода и стиля

Результатом упомянутого понятия о предмете отчасти становится и методология святителя Филарета.

Жизнеописания святых, производимые им, как правило, достаточно подробны. Акцентация на их трудах в качестве церковных писателей и богословов, столь необходимая для именно патрологической письменности (в современном нам её понимании), у святителя Филарета присутствует, но, как представляется, выражена недостаточно сильно, по крайней мере, *с упущением связи этих трудов с теми магистральными процессами, которые протекали в Церкви в исторические периоды жизни святых.* Немногие исключения из сказанного лишь подтверждают правило¹⁹. Вообще далеко не все персоналии, рассмотренные в «Историческом учении», имеют характеристику трудов; там же, где она приводится, эта характеристика имеет, как правило, либо достаточно внешний характер, либо неопределённо избирательный (см., например, тому, посвящённую прп. Макарию Великому: [Филарет, 1859б, 232–241]), либо кратко-схематичный (см., например, тому, посвящённую прп. Иоанну Кассиану: [Филарет, 1859с, 52–55]). Отдельные характеристики трудов содержат цитирование, порой обильное, святых отцов. Всё это говорит о некоторой **неоднородности метода.**

Вообще «патрология» святителя Филарета отличается **энциклопедическим подходом**²⁰. Общее число персоналий, рассмотренных в «патрологии» святителя Филарета, составляет 122. Внушительная цифра, характерная скорее для сборников жизнеописаний святых, чем для позднейших пособий и исследований, посвящённых патристико-патрологической тематике²¹. Автор старается охватить возможно большее число

¹⁹ Трудно упустить, например, связь трудов и учения свт. Афанасия Великого с общей проблематикой триадологических споров.

²⁰ Вообще характерным для его эпохи.

²¹ Где обычное число персоналий составляет в среднем от 4 до 6 на период; учитывая общее количество периодов в охваченную святителем Филаретом эпоху тринадцати веков

святых отцов, не упуская из виду и тех из них, письменное наследие которых не сыграло первостепенной роли в жизни Церкви (например, святых Дионисия Коринфского, Серапиона Антиохийского, Филея Тмуитского, Зенона Веронского, Орсисия Тавенниситского, Феотима Скифского, Астерия Амасийского, Полихрония Апамейского, Павлина Нольского и многих других). Примечательно, что в книгу святителя Филарета включены также русские святые писатели XI–XII веков²². Подобный метод, вероятно неизбежный для времени зарождения науки и имеющий свои сильные и слабые стороны, будет постепенно и достаточно последовательно преодолеваться в трудах наиболее видных патрологов последующих периодов — *уходящих от энциклопедичности к концептуальности* и заботящихся более о педагогической, нежели о научной стороне вопроса²³. Следует заметить, однако, что последующая тенденция ухода от энциклопедичности будет связана также и с изменениями понимания самой предметной области патрологии (см.: [Легеев, 2015, 36]).

Энциклопедический подход, применённый святителем Филаретом, имел своим почти неизбежным следствием **обзорность** подаваемого материала, только лишь в отдельных, редких темах раскрываемого с глубиной, отчасти лишь приближающейся к стандартам, которые всего спустя полвека будут установлены трудами следующего поколения русских патрологов — Н. И. Сагарды, А. И. Сагарды, С. Л. Епифновича и И. В. Попова. Среди этих немногих более полно охваченных тем можно назвать главы, посвящённые святым Афанасию Великому, отцам каппадокийцам, Ефрему Сирину, Иоанну Злагоусту, Иерониму Стридонскому, Августину Иппонскому и многим другим. *Таким важнейшим для патрологии святым отцам как, например, Максиму Исповеднику или Симеону Новому Богослову, в труде святителя Филарета уделено микроскопическое по сравнению с их ролью в жизни Церкви внимание — слишком поверхностное для ознакомления с их наследием.*

Святитель Филарет в своём труде удачно сочетает **компилятивность** и **замечательность языка, духовность суждений** и **научно-богословскую точность отдельных взятых мыслей**.

Его язык ясен, ярок, доходчив, точен и колоритен; представляет собой важнейшее достоинство первой русской «патрологии». Он легко воспринимается читателем и позволяет заключать большой объём мысли в немногих словах. Приведём несколько почти произвольных примеров стилистики святителя Филарета:

«К сожалению, были люди, имевшие охоту портить священную древность» [Филарет, 1859а, 6].

«Писания мужей апостольских... также дышат простотою и искренностью, сильны силою истины. Сама внешняя форма их выражала простоту: они писаны в виде писем» [Филарет, 1859а, 5].

«Тертуллиан одарён был чувством живым и глубоким, воображением пламенным, умом способным нисходить до последних оснований мысли; сведения имел обширные. Но воображение живое и порывы пламенного чувства увлекали его за пределы умеренности» [Филарет, 1859а, 183].

«Для настоящего времени не совсем понятно, как о таких высоких предметах, какова тайна Святой Троицы, мог говорить св. Григорий с церковной кафедры к народу, и говорить так, как он говорил» [Филарет, 1859b, 170].

около семи, получаем приблизительное усреднённое число персоналий за этот объём хронологии — около 35.

²² Свт. Иларион Киевский, прп. Феодосий Печерский, митр. Иоанн Киевский, прп. Нестор Летописец и свт. Кирилл Туровский.

²³ Можно привести наиболее яркие примеры в этом отношении: патрологии протопр. И. Мейендорфа, прот. Г. Флоровского, где будет сделана «ставка» на избирательность и наглядность; на эти методы во многом будет опираться и наш учебник [Легеев, 2015].

«Положено было употребить хитрость при вызове Иоанна в столицу, и употребили: правитель востока Астерий пригласил Златоуста посетить вместе с ним загородные места мучеников. Златоуст явился — и готовая колесница понесла его по константинопольской дороге» [Филарет, 1859а, 281].

«Превосходно владея латинским языком, Иероним хорошо понимал дело переводчика и переводил так, как разумел это дело. Нельзя однако же не заметить, что перевод Иеронима мог бы быть исправнее даже и от того, если бы он не так поспешно переводил... Полное совершенство на небе!» [Филарет, 1859а, 367–368].

«В блаженном Августине всего прежде поражает удивлением совмещение двух качеств, редко встречающихся в одном и том же человеке: глубокое, живое и обильное чувство и самый тонкий схоластический рассудок» [Филарет, 1859с, 43].

Учитывая особенности метода данной книги, следует признать, что первый опыт русской (и вообще православной) патрологической письменности, осуществлённый святителем Филаретом, ещё не может быть чётко дифференцирован в качестве учебного или, напротив, научного труда. Скорее он представляет собой в совокупности то и другое со всеми отчасти преимуществами и в большей степени историческими недостатками, из этого вытекающими.

5. Историческое значение и судьба «патрологии» архиепископа Филарета

Общий объём трёхтомного «Исторического учения» составляет 1122 страницы текста.

Святителем Филаретом этот монументальный труд был издан в Санкт-Петербурге сообразно печатным стандартам того времени, конечно, весьма ещё далёким от возможностей полиграфии XXI века. После первого тиража книга несколько раз переиздавалась: в 1882 г.; в 1996 г. Свято-Троицкая лавра издала репринт первого издания 1859 г.; в 2001 г. Сретенский монастырь — репринт 1882 г.; последний раз в 2007 г. — в Киеве книга вышла в издательстве имени святителя Льва, папы Римского. Именно это, последнее издание является лучшим по своему качеству, а также имеет твёрдый переплёт и выпущено одним томом. Несмотря на репринтные версии, читается книга сравнительно легко.

Патрологический труд святителя Филарета (Гумилевского) заложил фундамент и сформировал облик русской патрологии, дав её развитию мощный импульс. Не только в период XIX века, но и долго после него он практически не имел «конкурентов» по своей монументальной всеохватности и широкому энциклопедическому подходу, столь характерному вообще для науки XVII–XIX веков. Несмотря на всю важность этого труда, по-настоящему популярным учебником для духовных семинарий становится другая книга — «Чтения по патрологии» Д. В. Гусева, вышедшая в стенах Казанской духовной академии спустя 40 лет после появления «Исторического учения об отцах Церкви».

Для нашего времени труд святителя Филарета, по мнению А. Г. Дунаева, «представляет в основном археографический интерес благодаря ссылкам на старые издания и спорадическим указаниям на архивы» [Дунаев, 2004, XXXVII]. С этим мнением можно согласиться, однако не вполне. Будучи первым и характернейшим примером православных патрологических энциклопедий, написанный замечательным языком, этот труд вошёл в сокровищницу Предания Церкви, а значит, и сегодня не потерял некоторой актуальности в качестве благотворного примера и образца научной работы православного патролога как для церковных учёных, так и для студентов духовных и светских вузов.

Список основных произведений архиепископа Филарета (Гумилевского):

1. История русской церкви в пяти томах. М.: В типографии В. Готье. 1848–1859.
2. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Киев, 1874. Т. 6.
3. Картины церковной жизни Черниговской епархии из девятивековой ее истории. Киев, 1911.
4. Новгород–Северский // Черниговские епархиальные известия. Прибавления. 1872. № 11. С. 237–264.
5. Слова и беседы Филарета, епископа Харьковского и Ахтырского, говоренные в Риге. М., 1850.
6. Беседы о страданиях Господа нашего Иисуса Христа, говоренные Филаретом, епископом Харьковским и Ахтырским: в 2 ч. М., 1857.
7. Исследование о смерти царевича Димитрия. М.: Унив. тип., 1858.
8. Историческое учение об отцах Церкви: в 3 т. СПб., 1859.
9. Обзор русской духовной литературы, 862–1720. СПб.: Типография Имп. Акад. наук, 1857.
10. Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой Церкви, с примечаниями и снимками древних нотных знаков. Чернигов: тип. Ильинского монастыря, 1864.
11. Кафедральные черниговские монастыри: Ильинский, Елецкий и Борисоглебский. Чернигов, 1861.
12. Русские святые, чтимые всей Церковью или местно: Опыт описания жизни их. Чернигов, 1861–1864 (2-е издание — 1863–1865, 3-е издание — 1882), в трёх отделениях (книгах).
13. Слова, беседы и речи Филарета, архиепископа Черниговского и Нежинского. 2-е издание. Чернигов, 1863. В 4 частях (3-е издание — 1883).
14. Православное догматическое богословие. Чернигов, 1864 (2-е издание — 1865).
15. Святые южных славян: Опыт описания жизни их. Чернигов, 1865. В 2 томах (2-е издание — 1882, 3-е издание — 1883, 4-е издание — 1894).
16. Сокращенная история русской церкви. СПб., 1869.
17. Святые подвижницы Восточной Церкви. СПб. 1871.
18. Жития святых, чтимых Православной Церковью, с сведениями о праздниках Господских и Богородичных и о явленных чудотворных иконах. СПб., 1885.
19. Описание Новгород-северского Спасо-Преображенского первоклассного мужского монастыря. Чернигов: Губ. тип., 1873.
20. Богослужение русской церкви до монгольского времени. М.: О-во истории и древностей рос., 1847 Москва: Об-во истории и древностей рос., 1847.
21. Житие святого праведного Симеона Верхотурского: заимств. из кн.: «Русские святые» Филарета, архиеп. Черниговского. М.: Изд. книгопродавца И. А. Морозова, 1885.

Источники и литература

1. Дунаев (2004) — Дунаев А. Г. Лекции Н. И. Сагарды и патрология XX века / Н. И. Сагарда. Лекции по патрологии. I–IV века. М.: Издат. Совет РПЦ, 2004.
2. Легеев (2015) — Легеев М., свящ. Патрология. Период Древней Церкви: с хрестоматией. СПб.: Изд-во СПбПДА, 2015. 592 с.
3. Мейендорф (1992) — Мейендорф И., протопр. Введение в святоотеческое богословие. Вильнюс; М., 1992. 360 с.

4. Филарет (1859а) — *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Историческое учение об отцах Церкви; в 3 т. СПб.: Тип. 2-го отд. собств. Его Импер. Велич. Канцелярии, 1859. Т. 1.
5. Филарет (1859b) — *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Историческое учение об отцах Церкви; в 3 т. СПб.: Тип. 2-го отд. собств. Его Импер. Велич. Канцелярии, 1859. Т. 2.
6. Филарет (1859с) — *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Историческое учение об отцах Церкви; в 3 т. СПб.: Тип. 2-го отд. собств. Его Импер. Велич. Канцелярии, 1859. Т. 3.
7. Филиппьев (2007) — *Всеволод (Филиппьев), инок.* Путь святых отцов. Джорданвилль; М.: Св.-Троицкий м-рь; Паломник, 2007. 640 с.

Priest Mikhail Legeyev. “Historical Doctrine of the Church Fathers” by Archbishop Filaret (Gumilevskiy) and the Beginning of Russian Patrology.

Abstract: Personality and works of Archbishop Filaret (Gumilevskiy) are of great importance for the history of academic theology. The main of his works — “Historical Doctrine of the Church Fathers” — marked the beginning of Patrology as a science in the Orthodox Church. Since its writing, the domestic and world patrological science has gone far ahead, but the principles that were laid down by the father of Russian Patrology in understanding its subject area and methodology, are now of important interest for the analysis of its development. His accentuation of the hypostatic nature of patrological science, the idea of patristic writing as a continuous process, not limited to any historical period, became the basic principles of Orthodox patristic thought. The article presents this work of Archbishop Filaret to a modern audience, generally describing the peculiarities of his scientific approach, style, language, etc.

Keyword: Archbishop Filaret (Gumilevskiy), Russian Patrology, fathers of the Church, theological schools, Theological Academy, patristic writing.

Priest Mikhail Viktorovich Legeyev — Candidate of Theology, Associate Professor at St. Petersburg Theological Academy (m-legeev@yandex.ru).

Sources and References

1. Dunaev (2004) — Dunaev A. G. *Lektsii N. I. Sagardy i patrologiya XX veka [Lectures of N. I. Sagarda and Patrology of the 20th century]*. Moscow: Publ. Council of the ROC, 2004. (In Russian).
2. Filaret (1859a) — Filaret (Gumilevskiy), archbishop. *Istoricheskoe uchenie ob ottsakh Tserkvi. V 3 tt. [Historical doctrine of the Church fathers. In 3 vols]*. Saint Petersburg: Publ. of the Second Section of His Imperial Majesty’s Own Chancery or H. I.M. Own Chancery, 1859. Vol. 1. (In Russian).
3. Filaret (1859b) — Filaret (Gumilevskiy), archbishop. *Istoricheskoe uchenie ob ottsakh Tserkvi. V 3 tt. [Historical doctrine of the Church fathers. In 3 vols]*. Saint Petersburg: Publ. of the Second Section of His Imperial Majesty’s Own Chancery or H. I.M. Own Chancery, 1859. Vol. 2. (In Russian).
4. Filaret (1859c) — Filaret (Gumilevskiy), archbishop. *Istoricheskoe uchenie ob ottsakh Tserkvi. V 3 tt. [Historical doctrine of the Church fathers. In 3 vols]*. Saint Petersburg: Publ. of the Second Section of His Imperial Majesty’s Own Chancery or H. I.M. Own Chancery, 1859. Vol. 3. (In Russian).
5. Filipp’ev (2007) — Vsevolod (Filipp’ev), monk. *Put’ svyatykh ottsov [The path of the Holy fathers]*. Jordanville; Moscow: Holy Trinity monastery; Palomnik, 2007. (In Russian).
6. Legeyev (2015) — Legeyev M., priest. *Patrologia. Period Drevney Tserkvi: s khrestomatiey [Patrology. The Period of the Ancient Church with the Anthology]*. Saint Petersburg: SPbDA Publ., 2015. (In Russian).
7. Meyendorf (1992) — Meyendorf I., protopresbyter. *Vvedenie v svyatootecheskoe bogoslovie [Introduction to patristic theology]*. Vilnius; Moscow, 1992. (In Russian).